

Бахрам Зейнали

Преподаватель кафедры русского языка Тегеранского университета

e-mail: bzeinali@ut.ac.ir

Краткое содержание

В процессе своей литературной деятельности И.А.Гончаров создал три романа, которые можно назвать его, “романной трилогией” В ней читатель находит ту глубочайшую постановку вопроса семьи и любви, которая не только превосходила, но в ряде моментов и определила его решение последующей русской философской мыслью. Гончарову в полной мере присуще понимание любви как основополагающего начала жизни и при этом не только индивидуально-личной, но и семейно общественной. Писатель говорит: “Правду сказать, я не понимаю этой тенденции” “новых людей” лишить роман и вообще всякое художественное произведение чувства любви и заменить его другими чувствами, когда и в самой жизни это чувство занимает так много места, что служит то мотивом, то содержанием, то целью почти всякого стремления, всякой деятельности”. В данной статье делается попытку, на примере главных героев “романной трилогии” Гончарова и в частности, на основе образов “Обрыва”, выявить самобытный, христианский образ мыслей писателя по отношению к смыслу любви и основе семьи. При этом коротко рассматриваются взгляды В.Соловьева, Н.А.Бердяева и С.Булгакова о данном вопросе.

Ключевые слова: Семья, философия, любовь, верность, христианин.

В 40-е годы 19-ого века под непосредственным влиянием критики Белинского появились писатели-реалисты, которые продолжали традиции Пушкина и Гоголя, учеником которых считал себя И.А.Гончаров. Великий русский романист И.А.Гончаров вошел в Русскую литературу в эпоху темного царствования Николая I. Творчество писателя сыграло большую роль в развитии русского реалистического романа и до определенной степени помогло появлению в Русской литературе крупных романов таких писателей как Льва Толстого. Главное наследие Гончарова – три романа «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», в которых нашла отражение жизнь в России 40-ых-60-ых годов 19-ого века. Но замыслы всех трех романов возникли у писателя в 40-е годы. В этих романах И.А.Гончаров старается воспроизвести действительности русской жизни во всей её полноте. Писатель стремится всесторонно изображать жизнь и при этом раскрыть её морально-психологические и социальные стороны. Раскрывается и взаимное отношение людей. Именно здесь важную роль играет смысл любви. Владимир Соловьев писал: «Первый шаг к успешному решению всякой задачи есть сознательная и верная её постановка: но задача любви никогда сознательно не ставилась, а потому никогда и не решалась как следует» (Соловьев, 1991, стр.141). Но в романной «трилогии» Гончарова мы находим ту глубочайшую постановку названного вопроса, которая не только превзошла, но в ряде моментов и определила его решение последующей русской философской мыслью. Гончаров понимает любовь как основополагающее начало жизни, при этом не только индивидуально-личное, но и семейно-общественное, наконец, природно-космическое. «Вообще, -меня всюду поражал процесс разнообразного проявления страстей, т.е. любви, который, что бы ни говорили, имеет громадное влияние на судьбу и людей и людских дел» (Гончаров, 1952-1955, Т. 8, стр. 208-209). И в другом месте «Правду сказать, я не понимаю этой тенденции «новых людей» лишить роман и вообще всякое художественное произведение чувства любви и заменить его другими чувствами, когда и в самой жизни это чувство занимает так много места, что служит то мотивом, то содержанием, то целью почти всякого стремления, всякой деятельности...» (Гончаров, Валуеву, 1977-1980, стр. 428).

Несмотря на все отличия между различными героями «трилогии» Гончарова, по их мнению, любовь – «главное в жизни» (Гончаров, 1952-1955, Т.1, стр. 264). Как у самого автора, Андрей Штольц дает формулировку этого мнения. Посвятив «много мыслительной работы» «сердцу и его мудреным законам», он «выработал себе убеждение, что любовь, с силою Архимедова рычага, правит миром: что в ней столько всеобщей неопровержимой истины, сколько лжи и безобразия в её непонимании и злоупотреблении» (Гончаров, 1952-1955, Т.4).

Таким образом можно сказать, что любовь, выступает у Гончарова, условием и средоточием добра, истины и красоты, а гончаровская философия этого чувства, «оказывается одновременно и этикой, и эстетикой, и психологией, и постижением божественного» (Шестаков, 1991, стр. 7).

Обрисованные в романе «обрыв» разнородные типы любви не только характеризуют современное общество (человечество), но представляют собою и основные периоды человеческой, по крайней мере европейской, истории. Такова даже «дикая, животная» страсть, точнее – страсти дворовой крестьянки Марины, не случайно именуемой романистом «крепостной Мессалиной»

(Гончаров, 1952-1955, Т. 8, стр.209). В этом сугубо физиологическом понимании отношения полов отразилась, по Гончарову, наиболее ранняя пора ещё языческого, додуховного человечества. Две контрастные женские фигуры романа призваны «возродить» для читателя дохристианскую греко-римскую античность. Это физически совершенная, но столь же безучастная к окружающей жизни и людям Софья Беловодова, напоминающая холодную мраморную статую (данная метафора постоянно сопровождает Софью), и напротив, откровенно чувственная и не ведающая стыда Ульяна Козлова, в которой, в свою очередь сквозил «какой-то блеск и колорит древности, античность формы» (Гончаров, 1952-1955, Т. 5, стр. 204).

Любовь «бедной Наташи» (Гончаров, 1952-1955, Т. 5, стр. 124) к Райскому оживляет относительно недавнюю эпоху сентиментализма, а увлечения Райского – в частности и романтизма и т.д. Череда разнородных «образов-страстей», изображенных романтистом, следовательно, и непосредственно отражает многовековой путь по крайней мере духовно-нравственной эволюции человечества. То или иное решение отношения полов для автора «Обрыва», по существу, равнозначно собственно гуманитарному содержанию и своеобразию данной эпохи. Иначе говоря, Гончаров – опять таки ранее русских теоретиков любви – знал и исповедывал и ту истину, что «история культуры – это история любви» (6,226).

Гончаров в лице Ольги Ильинской видит не просто «страстно любящую жену, не мать-няньку», но «мать-созидательницу и участницу нравственной и общественной жизни целого счастливого поколения» (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр. 468), т.е. деятельную гуманистку во всех аспектах этого понятия.

В романе Гончарова «обрыв» значительное место, отведенное чисто физическим разновидностям Эроса, нельзя объяснить лишь «смягчающими обстоятельствами» вроде бессознательности, нравственной или духовной неразвитости и тому подобными особенностями каких-то героев. Вероятнее всего, что автор «Обрыва» предвидел то понимание пола, согласно которому сама его телесная сторона не исчерпывается одними физическими свойствами, но включает в себе и метафизическое начало.

Ясно, что автор «обрыва» и его главный герой не одно и то же. Тем не менее редкая по однонаправленности мысли переключка одного из крупнейших русских философов с Борисом Райским отнюдь не безотносительна и к самому Гончарову и способна пролить свет на его собственное понимание проблемы. Ведь в художнике Райском «угнездились» не только В.П.Боткин, Ф.И.Тютчев, И.С.Тургенев и другие «даровитые русские люди» (Гончаров, 1952-1955, Т. 8, стр. 400), но и сам Гончаров. И сам он не раз в духе Райского высказывался о страсти и её месте в отношении полов между собою. «В любви, – замечает романист в одном из исповедальных писем к С.А. Никитенко, – ничего не ищут, если не разуметь под любовью какую-нибудь абстрактную идею, а не человеческое, живое, органическое чувство и отправление этого чувства, совершающееся в нашем организме, а не превыше облаков.» (Гончаров, 1952-1955, Т. 8, стр. 364). «По страстной натуре своей, – признается он ей же, – я искал наслаждений, хотя сознавал, что они не цель жизни...» (VIII,335). «Да, – продолжает он ту же тему, – в любви обман невозможен, оттого влечение друг к другу и сближение редко доходит до любви, а оканчивается – у кого страстью (у людей серьезных), у кого страстишкой (у пустых людей)...» (Гончаров, 1952-1955, Т. 8, стр. 364).

Ни изображения разврата ни его идеологов у Гончарова нет. Но к страсти и сопряженном с нею сладострастию романист относится как к вакхическому началу любви, властно покоряющему себе людей как простых, так и духовно высокоразвитых. И аналогичные сцены или состояния в гончаровской «трилогии» поэтому вовсе не исчерпываются той встречей Райского с Ульяной Козловой («Обрыв», ч.3,гл.XII), которая нежданно для героя обратилась в свидание «простодушной нимфы..... с сатиром» (Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 87). Близка к этому состоянию и столь полярная с Козловой Ольга Ильинская во время прогулки с Обломовым в вечернем парке («Обломов»,ч.2, гл.XI), где эта героиня впервые всем существом предошущает негу физического слияния с любимым и поражает его охватившим её смущением («Мне страшно!- вдруг, вздрогнув, сказала она....[...] Мне страшно и тебя!-говорила она шепотом.- Но как –то хорошо страшно! Сердце замирает». (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр. 278), «изнеможением» и необычной «жаркой улыбкой»,напомнившей Обломову «какую-то картину,на которой изображена женщина с такой улыбкой только не Корделия ...» (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр.279). Ольга же в конце романа, «как безумная», бросается в объятие Штольца и, «как вакханка, в страстном забытии замирает на мгновенье,обвив ему шею руками»(Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 475,474).

Для автора «Обрыва» Страстные проявления отношения полов, вне сомнения причастны поэтической сфере воспроизводимой жизни т.е. её непреходящему, общечеловеческому началу,что и позволяет им выполнять в гончаровском романе аналогичную эстетическую функцию. Считая физическую страсть лишь одной из ступеней на пути человека к истине любви, Гончаров в то же время признавал и признавал её естественность, а потому и желательность для любящих и отделял вакхическую грань чувства от примитивного чувственного вожделения. Потому что, как говорит в «Обрыве» Райский, «на остывший след этой огненной полосы , этой молнии жизни, ложится потом покой, улыбка отдыха от сладкой бури, благородное воспоминание к прошлому,тишина! И эту-то тишину,этот след люди и назвали-святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорела и потухла...» (Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 67). «Давать страсти законный исход,- заявляет уже сам Гончаров,- указать порядок течения, как реке для блага целого края, -эта общечеловеческая задача, это вершина прогресса, на которую лезут все эти Жорж Занды, да сбиваются в сторону.За решением её ведь уже нет ни измен, ни охлаждений, а вечно ровное биение покойно-счастливого сердца, следовательно, вечно наполненная жизни, вечный сок жизни, вечное нравственное здоровье» (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр. 210, 211).

Таким образом , вакхическое чувство –в случае если оно «снято» браком («да, стратсь надо ограничить... и уничтожить в женитьбе...» (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр. 211), дает крепость и долголетие семье и помогает любви исполнить её универсально-общественную гуманизирующую миссию.

Используя слова Н.Г.Чернышевского о Толстом, можно сказать,что Гончарова интересуют не столько даже результаты любви, сколько сам её процесс. В этом отношении Гончарову уступает и признанный певец этого чувства И.С.Тургенев.

С одной стороны, любовь как самое концентрированное и поэтому высшее проявление жизни незаменима и невосполнима никаким иным отношением, делом, интересом, и в этом смысле благотворна для человека независимо от того, несет ли она очарования или разочаровывает,

выливается в «Поэму» или «драму» (Гончаров, 1952-1955, Т. 8, стр. 385), оказывается заблуждением или ошибкой. Последнее совершает сам и испытывает на себе, например, центральный герой «Обыкновенной истории». Однако не Александр Адуев, оставленный Наденькой Любецкой, оказывается наиболее трагичным лицом этого романа. Такова Лизавета Александровна, женщина, созданная, по мысли художника, для любви, и не узнавшая её, а тем самым не изведавшая и жизни, превратившейся для неё в комфортабельное прозябание. С другой стороны, любовь, фазисы которой суть и «фазисы жизни», есть для Гончарова действительно основная, хотя и «претрудная школа жизни» (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр. 243,245). В этой школе для человека важен и ценен любой её урок – и прямой, и косвенный, и положительный, и негативный. Ведь если «только ею, только любовью держится и движется жизни» (Тургенев, 1982, стр. 142), как повторил бы вслед за Тургеневым абсолютно солидарный с ним в данном случае Гончаров, то и самые заблуждения этого чувства обязывают к внимательному рассмотрению, так как способствуют постижению его истины.

Важно, однако, понять, что все эти, перечисленные выше разновидности любви суть, по Гончарову, в равной мере односторонние и неполные, так как проникнуты не единством, а господством лишь одного из человеческих начал: телесного или духовного, эгоистического или альтруистического, эстетического или этического, архаичного или новейшего, как, например: естественно-научный материализм Марка Волохова. А ведь истина любви там же, где и личности, – не в отрыве и преобладании одних стремлений над другими, но в их «целости» (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр. 179), Впрочем и сама эта цельность имеет у Гончарова несколько степеней. Это любовные концепции Штольца, Райского и Веры.

Штолец – первый из героев романиста, кто ищет в «своей жизни... равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа» (там же, стр. 167). В согласии с убеждением «любовь... правит миром» он и находит его в одухотворенном и «вечном» союзе с любимой женщиной. Получив согласие Ольги стать его женой, герой восклицает: «дождался! Столько лет жажды чувства, терпения, экономии сил души! Как долго я ждал-все награждено: вот оно, последнее счастье человека!» (там же, стр. 434-435). Для Штольца действительно «все найдено, нечего искать, некуда идти больше (там же, стр. 435), потому что его любовные устремления не преодолевают земные пределы человека, хотя этому герою в принципе и вняты те порывы «живого раздраженного ума... за житейские грани» (там же, стр. 474), под властью которых оказывается в конце романа Ольга Ильинская («все тянет меня куда-то ещё: я делаюсь ничем недовольна...») (там же, стр. 472). Штолец весьма точно указывает источники этих порываний в космическо-универсальные сферы: мифологические («это расплата за Прометеев огонь!») (там же, стр. 474), духовно-психологические («Это не твоя грусть: это общий недуг человечества»). Но разясняя жене причины её томления и неудовлетворенности, казалось бы, на вершине счастья, этот герой не разделяет их. «Мы, – говорит он, – не Титаны с тобой... мы не пойдем, с Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными вопросами. не примем их вызова, склоним головы и смиренно переживем трудную минуту, и опять улыбнется жизнь, счастье...» (там же, стр. 475). «...Любить, – считал Александр Адуев, значит жить в бесконечном...».

(Соловьев, 1991, стр. 161). Штолец, напротив, довольствуется в любви её конечными, – земными гранями и определениями, хотя и в их единстве.

Райского любовь роднит со вселенной, соединяет с божеством, потому что возлюбленная мыслима им в «сочетании красоты форм с красотой духа», как «венец создания» (Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 196), «прямое, лучшее орудие Бога» (Гончаров, 1952-1955, Т. 8, стр. 99) на земле. Точнее, любимая женщина предстает Райскому Афродитой небесной, однако не в виде внешне совершенной, но внутренне безучастной к окружающей жизни мраморной статуи, как Софья Беловодова, а богиней одухотворенно живой, открытой природе и людям и вбирающей их в себя. Именно такой видится, как мы помним, герою Вера в момент пробуждения её от «девического сна».

Таким образом любовная «норма» Райского, , идет дальше штольцевского равновесия материальных и духовных начал и синтезирует уже многие и разные элементы, концепции, выработанные на протяжении многовековой истории человеческой культуры. Это и платонизм, но обогащенный христианской этической тенденцией, и взгляды романтиков, видевших в любви «космическую силу, объединяющую в одно целое человека и природу, земное и небесное, конечное и бесконечное» (Фризман, 1971, стр.72) .

Фактически в этом синтезе предчувствуется уже понимание любви как главного условия и средства того взаимопроникновения «небес, земли и человека», или «абсолютного всеединства» (Соловьев, 1991, стр. 30,31), которое по Вл.Соловьеву, должно стать конечной целью исторического и космического процессов. Создав Райского, Гончаров оказался прямым предтечей такого блестящего русского мыслителя, как автор «Смысла любви». Сам этот факт- разительное свидетельство огромного философического потенциала гончаровского романа, лишь в пылу злободневных идеологических схваток просмотренного современной романисту критикой. Из него тем не менее ещё не следует, что любовная концепция Райского и есть гончаровская «норма» этого чувства. У творца «Обрыва» здесь был иной, высший ориентир. Это Вера.

Любовь Райского –это бесконечный процесс стремления к ней. Как говорит герой, «никогда ни один идеал не доживал до срока свадьбы: бледнел, падал, и я уходил охлажденный...[...] Или сам идеал, не дождавшись охлаждения, уходит от меня...» (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр.,13). Для Веры истина и реальность любви- в любви именно семейно-брачной.

Здесь необходимо сделать отступление, напомним два основных взгляда на семью, характерных для русской философии рубежа XIX-XX вв. Первый из них восходит к вышеназванному трактату Вл. Соловьева, второй развит в работах С. Булгакова, С.Троицкого, и других.

Уже Илье Обломову женщина «всегда грезилась... как жена и никогда –как любовница» (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр. 209). Так и для Веры истина любви-это супружество и материнство (отцовство). Вот Марк Волохов иронизирует над идеей Райского, «что женщины созданы для какой – то высшей цели...» .Вера отвечает: «Для семьи созданы они прежде всего. Не ангелы, пусть так – но не звери!» (Гончаров, 1952-1955, Т. 6 стр. 260).

Вера – христианка вполне. Райский –человек по преимуществу эстетический, Вера – этический. Для Райского истина (любви, женщины) возможна лишь в форме красоты, которую он ищет повсюду, страдая от безобразия и оставаясь равнодушным к некрасивому. Вере она ведома в «вечной правде» (Гончаров, 1952-1955, Т. 4, стр. 183) Христа, любящего и несовершенных, заблудших и падших, расслабленных и прокаженных. Райский , как «идолу» (Гончаров, 1952-1955, Т. 5, стр. 13),

поклоняется прекрасной одухотворенно-живой статуе. Вера в поиске опоры своему разумению любви, склоняется перед ликом Спасителя. Райский, разочаровываясь, мучается сам, Вера страдает и за Марка Волохова, так как не отказывает в потенциальном божественном начале и самому идеологу позитивизма и атеизма.

Вера убеждена (и отсюда второе значение её имени), что подлинная любовь требует веры, крепка верой, потому что, как отмечает Вл. Соловьев, «признавать безусловное значение за данным лицом или верить в него (без чего невозможна истинная любовь) я могу, только утверждая его в Боге, следовательно, веря в Бога» (Соловьев, 1991, стр. 60). Она знает также, что любовь должна быть исполнена долга – не в смысле только дополнения личного счастья общественными обязанностями человека, но прежде всего как нравственной обязанности любящих «за отданные друг другу лучшие годы счастья платить взаимно остальную жизнь» (Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 261). Наконец, Вера как христианка видит в любви таинство, ибо брачная любовь, согласно позднейшей мысли С. Троицкого «объективно соединяет нас с Богом, который и сам есть любовь» (Троицкий, 1991, стр. 385). Это таинство начально реализуется уже в обряде церковного венчания.

Отношения к браку, семье и венчанию, а также любовному долгу, отличающие, с одной стороны, Веру и, с другой- Марка Волохова, окажутся главной преградой между этими героями «Обрыва», как и основной причиной душевной драмы Веры. Ведь не сама страсть, испытанная Верой, угнетает её, но тот мучительный для этой женщины факт, что её слияние с мужчиной во плоти произошло до и вне их духовно-нравственного, вообще целостного единения, т.е. вне богочеловеческого начала любви. Иного исхода воссозданная в «Обрыве» любовная коллизия, впрочем, иметь и не могла. Ведь, как верно заметит потом Петр Успенский, «ни в чем так резко не появляется различие глубокого «окультурного» понимания жизни и поверхностного «позитивного», как в вопросе о любви» (Успенский, 1991, стр. 222).

Итак можно считать Веру, в отличие от Райского, предшественницей не столько соловьевского, сколько булгаковского воззрения на отношения полов,- ориентированного не на античную теорию Эроса, а на собственно христианские источники. При этом в «диалоге» Вериного любовного идеала с аналогичной нормой Райского верх берет первый, что признает и сам Райский. Если ранее он считал возможным для себя просвещать и наставлять Веру в деле чувства, то в конце романа он, пораженный последним, уже искушенным страданием обликом этой женщины, не гордой, как ранее, а кроткой, сам учится у неё какому-то высшему знанию. «Его,- говорит романист,- опять охватила красота сестры, с бархатным, гордым и горячим взглядом, с мерцанием «ночи» ...[...] Томная печаль, глубокая усталость смотрела теперь из глаз. Горячие, живые тоны в лице заменились прозрачной бледностью. В улыбке не было гордости, нетерпеливых, едва сдерживаемых молодых сил. Кротость и грусть покоились на её лице, и вся стройная фигура её была полна задумчивой, нежной грации...»(Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 368-369).

Пробудившаяся от «девического сна», ставшая женщиной, Вера показалась Райскому пленительной ожившей статуей. Теперь она- Мадонна. «О какая красота!»- восклицает герой, приходя к выводу, что эту Веру невозможно адекватно воспроизвести в рамках только изобразительных искусств («Здесь сам Грез положил бы кисть». (Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 371), тут необходимы универсальные возможности художественного слова. И Райский задумывает роман

Итак, христианская любовь Веры в «Обрыве» выше артистического (эстетического) идеала Райского. Значит ли это что отношения между двумя этими гончаровскими нормами столь же антагонистичны, как впоследствии двух русских философских концепций любви и семьи? Нет. Вера не случайно называет Райского в конце романа братом, впервые говоря ему «ты» («Брат, что с тобой? Ты несчастлив!-сказала она, положив ему руку на плечо...»). Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 292). Дело в том, что в эстетической по преимуществу натуре Райского не исчезает христианин. И этот поклонник красоты способен, как он и доказывает в случае с Верой после её «падения», к «состраданию, самоотвержению», милосердию, жалости и участию (Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 292).

Но и Вера, со своей стороны, отнюдь не враждебна артистически-платонической норме Райского. Больше того: она, эта норма, живёт в Вере, так как героиня останется и прекрасной статуей, а не только «духом» (Гончаров, 1952-1955, Т. 6, стр. 113), с которым она так часто сравнивается, пусть эта статуя в последнем счете и поглощается итоговым обликом Веры-Мадонны.

Говоря о названных выше основных тенденциях русской философии, любви, В. Шестаков замечает: «было бы логичным предположить, что оба эти направления должны были хотя бы по закону притяжения и отталкивания как-то сойтись друг с другом, создать какой-то новый философский синтез. Только в последних работах Н. Бердяева мы находим попытку к этому синтезу, желание соединить любовь-Эрос с каритативной любовью, любовью-- состраданием» (Шестаков, 1991, стр. 17). Задолго до Бердяева попытка такого синтеза и, как мы могли убедиться, вполне успешная, была предпринята творцом «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва». Она могла состояться потому, что синтезирующий пафос и метод были вообще в основе мировосприятия Гончарова, видевшего прогресс не в отрицании и разрушении культурных достижений предшествующих эпох, но в его способности интегрировать и таким образом унаследовать все жизнеспособные идеи и ценности, созданные за столетия.

Заключение

В заключении можно сказать, что наряду с романами Тургенева, Л. Толстого, Достоевского, а в чем-то и полнее их богатейшим источником для истинного понимания и исполнения дела любви стала и сама гончаровская «трилогия».

Она открывает нам любовь прежде всего как могущую онтологическую силу, «снимающую» и гармонизирующую противоречия между реальной, и идеальной относительной и абсолютной, земной и горней гранями и сферами бытия, между индивидом и вселенной. В этом своем назначении любовь сродни религии, искусству и универсальной философско-диалектической системе, в свою очередь, высоко ценимых современниками Гончарова. Но в отличии от этих последних форм духовной деятельности человека, устраняющих дисгармонию жизни только в воображении и умозрении в этом смысле иллюзорным способом, любовь способна решать данную задачу и в социально-бытовой сфере человека, т.е. и практически. Ведь её высший итог--брак, являющийся и социальным институтом. Исполненный любви брак одухотворяет и универсализирует семью, преображая её в семью-мир (Л. Толстой), семью-храм (В.В. Розанов), семью-микрокосм. В качестве

основной общественной ячейки такая семья гуманизирует затем и все общество. Так открывался выход к преодолению, в частности, той антиномии между устремлениями развитой личности (счастьем) и потребностями массы народа (долгом), которая трагически окрасила творчество И.С.Тургенева и его концепцию любви.

Примером подобной семьи задумывался у Гончарова союз Ольги Ильинской и Штольца, затем, по всей вероятности, Веры и Тушина. Ни тот, ни другой замысел, однако, не состоялся. Вера не выйдет замуж за Тушина, быть может, и потому, что никогда не была страстно увлечена им: семейное же счастье Штольца и Ольги не может удовлетворить нас, так как не видим его всеобъемлющих гуманизирующих результатов. По мере творческого углубления в поставленную задачу Гончаров, в свой черед, всё более убеждался в трагичном жизненном (следовательно, и литературном) уделе его любовного идеала вследствие как враждебности к нему современного общества, так и несовершенства и слабости самого человека. То есть по тем же причинам, которыми поясняли затем драматизм любви Вл.Соловьев, Бердяев, С.Булгаков и другие русские философы, в этом пункте значительно сближающиеся между собой.

Гончаровская концепция любви - одна из тех «капитальных» и заветных идей писателя, а также аспектов его наследия, на исследование которых «социальный заказ» многие десятилетия отсутствовал. Да и сама любовь в послеоктябрьской России была отдана на произвол стихи и изначальных инстинктов.

И долг историков литературы, сделать всё необходимое, чтобы преодолеть эту «традицию», помогая, в частности, читателям и почитателям Гончарова, число которых, кстати сказать, во всем мире стремительно умножается, в полной мере осознать тот огромный вклад, который творец «Обрыва» внес в решение одного из первичных и основополагающих отношений человека.

Литература

- 1- Ахшарумов, Н.Д., *Русская лит ерат ура*, Обломов, Роман И.А.Гончарова, Русский вестник, 1860.
- 2- Бердяев, Н.А., *Мет афизика пола и любви*, Русский Эрос, 1991.
- 3- Булгаков, С.Н., *Свет невечерний*, Русский эрос, 1991.
- 4- Гиппиус, З.Н., *Влюбленност ь. Русский Эрос*, 1991.
- 5- Гончаров, И.А., *Собрание очинений в восьми т омах*, Т 1-8 Москва 1952-1955.
- 6- Гончаров, И.А, Валугеву, П.А, (6 июня 1877г.Петербург):Гончаров И.А., *собрание сочинений в восьми т омах*,Т1-8. Москва, 1977-1980.
- 7- Жураковский, А.Е., *Тайна любви и т аинст во брака*, Русский Эрос, 1991.
- 8- Соловьев, В.С., *Смысл любви*, Русский Эрос, или философия любви в России, Москва 1991.
- 9- Толстой, А.К., *Дон Жуан*, Толстой А.К.Избранное. Москва, 1949.
- 10- Тургенев, И.С., *Полное собрание сочинений* в 30 томах,Т, 10.Москва, 1982.
- 11- Троицкий, С.В., *Христ ианская философия брака*, Русский Эрос, 1991.
- 12- Успенский, П.Д., *Искусст во и любовь*, Русский Эрос, 1991.
- 13- Фризман, Л.Г., *Глашат ай ист ин вековых*, Вопросы литературы,1971.
- 14- Шестаков, В.П., Вступительная статья к сб. «*Русский Эрос,или философия любви в России*»: Русский Эрос, 1991.